

Раздел 2. Проблемы рецепции и интерпретации
в мировой литературе и культуре

УДК 821.161.1.09"19"

doi 10.17072/2304-909X-2026-22-69-75

EDN DCBCBJ

<https://elibrary.ru/dcbcbj>

**«СВОЙ» ГЛАЗАМИ «ЧУЖОГО»:
КИТАЙ КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ПРОЗЕ И ПИСЬМАХ А. П. ЧЕХОВА**

Виктория Сергеевна Абрамова

к. филол. н, доцент, доцент филологического факультета

Университет МГУ-ППИ

518172, Китай, провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь,

район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюсюань, д. 1;

доцент кафедры иностранных языков для специальных целей, доцент кафедры
педагогики и лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

6149068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

abramovavictoria@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8535-2827>

Статья поступила в редакцию 15.04.2026

В статье изучается вопрос о том, как А. П. Чехов использует образ Китая в своих прозаических произведениях и письмах для осмысления русского самосознания. Автор показывает, каким образом представление о «чужом» (китайской культуре) помогает писателю художественно понять феномен «своего» (русской идентичности). В ранней прозе китайские образы служат в основном для создания комического эффекта за счёт обращения к этническим стереотипам. В зрелом творчестве их смысл усложняется: «китайское» становится знаком отчуждения или духовной пустоты, а иногда – мерой человечности, позволяющей критически оценить российскую действительность. Письма Чехова отражают эволюцию от стереотипного восприятия к признанию культурного своеобразия Китая. Делается вывод о том, что А. П. Чехов использует образ Китая как своеобразное увеличительное стекло: всматриваясь в «чужого», писатель яснее видит очертания «своего» и общечеловеческого, а также развенчивает миф об исключительности русской нации.

Ключевые слова: А. П. Чехов, образ Китая, русская идентичность, имагология, этностереотип, оппозиция «свой/чужой», диалог культур.

Проблема национальной самоидентификации принадлежит к числу ключевых для русской культуры, особенно в переломные эпохи, когда привычные координаты «своего» утрачивают устойчивость (см., например: [Попова 2004; Кочетков 2012]). В этом смысле рубеж XIX–XX веков, отмеченный кризисом традиционных ценностей и активизацией межкультурных контактов, представляет собой уникальный период для изучения механизмов конструирования национальной идентичности.

Творчество А. П. Чехова даёт интересный материал для имагологического анализа. Фокус писателя на ценностном сознании человека любовью культуры, а также его антропологический взгляд на человека как на носителя онтологического начала [Abramova 2018: 138] делают особенно показательным то, как именно в его текстах преломляется образ конкретной «чужой» культуры – китайской. Важно подчеркнуть, что сам писатель не бывал в континентальном Китае (если не считать посещения Гонконга), поэтому его представления формировались под влиянием как личных наблюдений на дальневосточной границе, так и – в большей степени – культурных стереотипов эпохи.

В научных исследованиях китайская тема в творчестве А.П. Чехова до сих пор не получила систематического освещения. В существующих работах обращение писателя к образу Китая упоминается главным образом в связи с поездкой на Сахалин и анализом книги очерков «Остров Сахалин (Из путевых записок)» (см., например: [Семанова 1973; Сухих 1985; Высоков 2010; Проваторова 2017; Шао Чуань цин 2023]). Вопрос же о том, как через китайскую культуру осмысливается русская идентичность, в научной литературе вообще не ставился.

В ранней прозе А. П. Чехова китайские образы появляются эпизодически и выполняют преимущественно служебную функцию – создают комический эффект за счёт обращения к узнаваемым этническим клише. Так, в рассказе «Толстый и тонкий» (1883) преобразование «тонкого», узнавшего о высоком чине приятеля, сопровождается звукоподражанием: «захихикал, как *китаец*: "хи-хи-хи"» ([Чехов 1974–1983: т. 2: 251]¹; курсив мой. – В. А.). Важно, что писателю здесь нужна не этнографическая точность, а ёмкий, моментально считываемый читателем образ раболепия, которое в массовом сознании того времени ассоциировалось с «китайскими» церемониями. Подобным образом в «Налиме» (1885) внешность плотника Любима описывается через «треугольное лицо и *узкие, китайские глазки*» (т. 4, с. 45; курсив мой. – В. А.). Представляется, что эта деталь не несёт смысловой нагрузки, а служит яркой портретной характеристикой. Она подчёркивает комическую нелепость ситуации, когда группа людей бестолково суетится

ради пустяка. Готовый образ «чужого» используется как этностереотип, который не требует рефлексии.

Однако уже в этот период намечается иной, более сложный способ использования китайской темы. Например, в «Письме к учёному соседу» (1880) герой, пытаясь казаться образованным, делает вид, будто он пишет «старческими гиероглифофами» (т. 1, с. 11). В этом рассказе «китайское» выступает уже не просто комической деталью, а служит маркером претенциозности и пустоты – тех качеств, которые, как мы видим у «зрелого» А. П. Чехова, свойственны отнюдь не только экзотическим культурам, но в полной мере и русскому обывателю.

Переломным моментом становится путешествие писателя на Сахалин в 1890 году. Именно дорожные письма фиксируют переход от абстрактного, книжного представления о Китае к живому, хотя и не лишённому стереотипности, наблюдению. Так, в письме семье от 23–26 июня 1890 года А. П. Чехов описывает китайцев, плывущих в третьем классе, как «добродушных и смешных», сравнивает их пение с «овечьим или телячьим бляньем», а внешность определяет как «смешнее всяких карикатур» (т. 4, с. 139). Пренебрежительное описание голоса китайцев указывает на предвзятость, а сам образ другой культуры служит лишь экзотическим фоном для подчёркивания своеобразия жизни на Амуре. Но уже в этом письме появляется нота, которая разрушает однозначное восприятие образа Китая. Писатель замечает, что китайцы, при всей своей «смешной» внешности, ведут себя с достоинством: «<...> Один *китаец сидел на палубе и пел дискантом что-то очень грустное* <...> Все глядели на него и смеялись, а он – *ноль внимания*» (т. 4, с. 139; курсив мой. – В. А.). В этой детали – ключ к пониманию «чужого» А. П. Чеховым: за внешней экзотикой проступает общечеловеческое (способность к переживанию, чувство собственного достоинства), которое сближает китайца с русским больше, чем любые национальные особенности.

Эта наблюдение получает развитие в письме И. С. Суворину от 27 июня 1890 года. Здесь А. П. Чехов уже не просто фиксирует внешние черты жителей Китая, но пытается понять внутреннюю логику иной культуры. Он описывает китайцев как «добродушнейший народ», «ужасно вежливый». По наблюдениям путешественника, они «одеваются бедно, но красиво, едят вкусно, с церемониями» (т. 4, с. 127). А. П. Чехов замечает их ритуалы: так, китаец, прежде чем выпить, протягивал рюмку окружающим со словом «кусай!» (т. 4, с. 127). И здесь же следует неожиданный вывод: «Китайцы возьмут у нас Амур – это несомненно <...> Россия хлопочет о Болгарии, которая гроша медного не стоит, и совсем забыла об Амуре. Нерасчётливо и неумно» (т. 4, с.

127–128). В этой параллели бытовой зарисовки и геополитического прогноза видится суть метода Чехова: взгляд на «чужого» позволяет острее увидеть собственные проблемы. Китай перестаёт быть просто объектом описания, но становится зеркалом, в котором отражается недалёковидность и слабость российской политики того времени.

Наиболее ярко эта рефлексия проявляется в письме И. С. Суворину от 9 декабря 1890 года. Размышляя о колониализме, А. П. Чехов прямо ставит вопрос о том, насколько обоснованно и достойно присутствие России на Дальнем Востоке: «Ездил я на дженерихче, т. е. на людях, покупал у китайцев всякую дребедень и возмущался, слушая, как мои спутники россияне бранят англичан за эксплуатацию инородцев. Я думал: да, англичанин эксплуатирует китайцев, сипаев, индусов, но зато даёт им дороги, водопроводы, музеи, христианство, *вы* тоже эксплуатируете, но *что вы даёте?*» (т. 4, с. 139; орфография автора; курсив мой. – В. А.). В этом вопросе – не просто критика, но и попытка определить «своё» через отрицательное сопоставление с «чужим». Писатель подчёркивает, что англичанин – эксплуататор, но он созидает; русский тоже эксплуатирует, но что он оставляет взамен? В таком ракурсе китайцы выступают не фоном, а мерой – тем «третьим», относительно которого выверяется ценность действий европейцев.

В художественной прозе этот принцип получает иное, более сложное воплощение. В рассказе «Гусев» (1890) китайцы, которых видит за иллюминатором умирающий солдат, возвращающийся домой с Дальнего Востока после пяти лет службы, – это часть того «фантастического мира», который подчёркивает оторванность героя от родины и его одиночество в безразличном мире. «Вот этого жирного по шее бы смазать...» – думает Гусев о китайце, спокойно евшем рис палочками (т. 7, с. 334). Китайская повседневность за иллюминатором так же бесстрастна, как и океан. Однако наиболее значима финальная сцена: когда Гусев умирает в трюме, наверху китаец, стоя на часах, «отбивал колоушкой: "дон-дон-дон..."» (т. 7, с. 342). Этот монотонный звук, не слышимый мёртвым, становится символом абсолютного равнодушия мира к индивидуальной смерти. Китаец здесь не враг и не друг – он часть той бесстрастной, продолжающейся жизни, перед лицом которой человеческое существование оказывается хрупким и незащищённым. Думается, что именно в этом обнаруживается экзистенциальное измерение образа Китая у Чехова: через «чужого» писатель показывает универсальное одиночество человека перед лицом смерти, где национальные различия окончательно утрачивают значение.

В «Попрыгунье» (1891) «китайский зонт» и роспись на фарфоре – часть «красивой тесноты», окружающей Ольгу Ивановну (т. 8, с. 8–9).

«Китайское» здесь лишь модный декор, за которым нет ни понимания, ни искреннего чувства. Этими деталями А. П. Чехов обнажает духовную несостоятельность богемы, где внешний блеск важнее сути, и противопоставляет её подлинному миру доктора Дымова – миру труда и самопожертвования. Это не критика китайской культуры, а обличение русской богемы, превращающей любую культуру в безделушку. «Чужое» вновь становится средством обнажения «своего», а именно: духовной пустоты, скрывающейся за внешним эстетством.

Наиболее глубокое воплощение китайская тема получает в рассказе «Убийство» (1895). Среди заключённых сахалинской тюрьмы, чьи страдания и разговоры наблюдает Яков Иваныч, осуждённый на каторгу, были также и китайцы (т. 9, с. 160). Здесь, в пространстве всеобщего страдания, национальные различия утрачивают значение. Китайцы предстают такими же страдальцами, как и русские мужики. Для автора это принципиально важно: именно в ситуации предельного унижения, на каторге, обнаруживается общечеловеческая общность, которая важнее любых культурных различий. Китай здесь упоминается не ради экзотики, а как художественное обобщение. Оно подчёркивает трагизм духовного одиночества и всеобщего равнодушия людей. Через образ чужой культуры писатель передаёт единство человеческой природы в страдании.

Подводя итоги, можно сказать, что образ Китая в творчестве А. П. Чехова проходит сложную эволюцию. В ранней прозе он предстаёт как этностереотип. В зрелых произведениях этот образ превращается в многозначный символ, позволяющий критически взглянуть на русскую действительность, а в рассказе «Гусев» приобретает экзистенциальное звучание, обнажая общечеловеческое одиночество перед лицом вечности. На всех этапах творчества писателя «китайское» выполняет функцию зеркала: всматриваясь в «чужого», художник яснее видит контуры «своего», причём это «своё» лишается идеализации. Русский человек в произведениях А. П. Чехова не лучше и не хуже китайца или англичанина – он такой же, со своими пороками и добродетелями. В творчестве А. П. Чехова именно эта «обыкновенность», очищенная от мифов о национальной исключительности, и составляет подлинную суть человеческого. Тем самым писатель не только предвосхищает современные представления о диалоге культур, но и задаёт парадоксальную перспективу: путь к «своему» лежит через внимательное, свободное от предрассудков вглядывание в «чужого».

Примечания

¹ Далее тексты произведений А.П. Чехова цитируем по этому изданию с указанием тома и страницы в круглых скобках. – В. А.

Список литературы

Высоков М. С. Комментарий к книге А.П. Чехова «Остров Сахалин». Владивосток; Южно-Сахалинск: Рубеж, 2010. 848 с.

Кочетков В. В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 144–162.

Попова М. К. Национальная идентичность и её отражение в художественном сознании. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. 170 с.

Проваторова О. Н. «Остров Сахалин» А.П. Чехова – «дума художника и человека о своём времени» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 1(201). С. 108–113.

Семанова М. Л. Чехов-очеркист (от факта, документа – к творческому воплощению) // Чеховские чтения в Ялте. М., 1973. С. 98–112.

Сухих И. Н. «Остров Сахалин» в творчестве Чехова // Русская литература. 1985. №3. 72–84.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Письма: В 12 т. М.: Наука, 1974–1983.

Шiao Чуань цин. Образ китайцев в путевых записках А. П. Чехова «Остров Сахалин» // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, 25-29 апреля 2022 г.: в 5 ч. / Минский гос. лингвист. ун-т. Минск, 2023. Ч. 5. С. 51–53.

Abramova V. S. Ethnic stereotypes and the role they play in representation of foreigners in Chekhov's prose // Tomsk State University Journal of Philology. No. 53, 2018, pp. 127–142.

“US” THROUGH THE EYES OF THE “OTHER”: CHINA AS A MIRROR OF RUSSIAN IDENTITY IN A.P. CHEKHOV'S PROSE AND LETTERS

Viktoriia S. Abramova

Ph.D. in Philology, Associate Professor in the Faculty of Philology

Shenzhen MSU-BIT University

China, Guangdong Province, Shenzhen, Longgang District, Dayun New Town, International University Park Road, 1

Associate Professor in the Department of Languages for Special Purposes,

Associate Professor in the Department of Pedagogy and Language Didactics

Perm State University

614068, Russia, Perm, Bukirev str., 15

abramovavictoria@yandex.ru

Submitted 15.04.2026

This article examines how A. P. Chekhov employs the image of China in his prose and correspondence as a means of reflecting upon Russian self-identity. The author demonstrates how the representation of the “other” (Chinese culture) enables the writer to artistically comprehend the phenomenon of “us” (Russian identity). In Chekhov's early prose, Chinese images primarily serve a comic function through the use of ethnic stereotypes. In his mature works, their meaning becomes more complex: the “Chinese” element functions as a marker of estrangement or spiritual emptiness and, at times, as a measure of humanity that allows for a critical assessment of Russian reality. Chekhov's letters reveal an evolution from stereotypical perceptions toward a recognition of China's cultural distinctiveness. The article concludes that Chekhov employs the image of China as a kind of magnifying glass: by gazing intently at the “other,” the writer perceives the contours of “us” and the universal human more clearly, while simultaneously debunking the myth of Russian national exceptionalism.

Key words: A.P. Chekhov, image of China, Russian identity, imagery, ethnic stereotype, “us/them” opposition, dialogue of cultures.

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Абрамова В. С. «Свой» глазами «чужого»: Китай как зеркало русской идентичности в прозе и письмах А. П. Чехова // Мировая литература в контексте культуры. 2026. № 22 (28). С. 69–75. doi 10.17072/2304-909X-2026-22-69-75. EDN DCBCBJ

Please cite this article in English as:

Abramova V. S. «Svoj» glazami «chuzhogo»: Kitaj kak herkalo russkoj identichnosti v proze i pis'mah A. P. Chekhova [“Us” through the Eyes of the “Other”: China as a Mirror of Russian Identity in A. P. Chekhov's Prose and Letters]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2026, issue 22 (28), pp. 69–75. doi 10.17072/2304-909X-2026-22-69-75. EDN DCBCBJ